

**АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ
ГИЛЬФЕРДИНГ ***
(1831—1872)

По свидетельству современников, вся деятельность Гильфердинга — служебная, общественная и научная — была подчинена идее укрепления народного самосознания, которое не ограничивалось для него Россией и русским народом, а обнимало весь славянский мир.

* Автор очерка С. Н. Азбелев.

- «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века». 1861 г.
- «Босния, Герцеговина и Старая Сербия».
- «Старинный сборник сербских пословиц». 1868 г.
- «История сербов и болгар».
- «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды». 1872 г.
- Записи былин и сведений о самих сказителях. Изданы в 1873 г.

Русский славист, собиратель и исследователь былин, историк, этнограф, публицист и общественный деятель.

А.Ф. Гильфердинг родился 2 (14) июля 1831 г. в Варшаве, в семье видного русского дипломата, позднее — сенатора и управляющего Архивом Министерства иностранных дел. Прапрадед его родом из венгерских дворян, в Москву переселился из Германии в 40–50-х годах XVIII в. Родители по вероисповеданию — католики, но сын был крещен по обряду Русской Православной Церкви. Александр Федорович получил прекрасное домашнее образование, причем кроме живых западно-европейских языков, латинского и древнегреческого, он изучил славянские языки. Среди его учителей был славяновед И.И. Паплонский. У мальчика рано пробудился интерес к истории славянских народов, уже его юношеское сочинение было озаглавлено «Краткий очерк истории славянских народов в IX и X столетии». Поступив в Московский университет на историко-филологический факультет, Гильфердинг сблизился со славянофилами: А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, Ю.А. Самариным, а также с братьями И.В. и П.В. Киреевскими, один из которых потом вошел в историю фольклористики своим знаменитым собранием народных песен. Блестяще окончив университет, Гильфердинг защитил диссертацию «Об отношении языка славянского к языкам родственным» и получил степень «магистра славянских наречий» (1853 г.).

По окончании университета Гильфердинг поступает на службу в Министерство иностранных дел. Через девять лет Гильфердинг перешел в число служащих Государственной канцелярии по отделению экономики. Продвигаясь по служебной лестнице, Гильфердинг становится в 1865 г. действительным статским советником (этот «гражданский» чин по табели о рангах соответствовал генеральскому). Постоянно удивляя своих сослуживцев выдающимися способностями и кипучей деятельностью, Гильфердинг умел быстро войти в сущность всякого вопроса. Большое внимание он уделял устройству сельского населения, особенно в польских землях, поскольку в 1863 г. служил в Комитете по делам Царства Польского. Его программа оздоровления положения в тогдашней Польше основывалась в большой степени на распространении серьезного образования среди крестьян. Он писал, что никакое политическое устройство, никакая система управления не принесут здесь

желаемых плодов, пока не будет предоставлена самостоятельность польскому крестьянству. По инициативе Гильфердинга в польских землях в 60-х годах XIX в. были проведены усовершенствования преподавания в средних школах, открыт Варшавский университет. В конкретной разработке этих мероприятий преобладающая роль принадлежала самому Гильфердингу. Он участвовал и в упорядочении судопроизводства на польской земле.

Состоя на дипломатической службе, Гильфердинг энергично отстаивал интересы славянского населения в балканских землях, находившихся под владычеством Османской Турции, в той степени, в какой позволяло это делать его официальное положение русского консула в провинциях Боснии и Герцеговине (он был назначен на эту должность еще в 1856 г. — сразу после Крымской войны, когда положение русского дипломата в Турции было нелегким, и занимал здесь этот пост в течение трех лет).

По свидетельствам современников, вся деятельность Гильфердинга — служебная, общественная и научная — была подчинена идее укрепления народного самосознания, которое не ограничивалось для него Россией и русским народом, а обнимало весь славянский мир.

Исторические работы Гильфердинга, составившие почти целиком четыре тома его трудов, проникнуты этой идеей. Он не успел написать задуманную «Историю славян» (хотя подготовил немало предварительных очерков и набросков), но сделал очень много для только начинавшей тогда по-настоящему «становиться на ноги» славяноведческой науки. Гильфердинг был горячим сторонником славистических исследований, стремился основательно изучить как прошлое, так и настоящее всех славянских народов. Он совершил путешествие по землям западных славян, завоеванных в средние века немецкими феодалами. В то время изучение истории этих славянских народов, почти полностью исчезнувших вследствие многовекового немецкого владычества, только зарождалось. Гильфердинг первый написал научную историю балтийских славян. Его симпатии особенно ясно проявились в специальной работе *«Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века»*. Она была напечатана в 1861 г.

Спустя восемь лет Гильфердинг расплатился за свою общественную позицию при выборах в Академию наук. Отделение русского языка и словесности выдвинуло его для выборов в адъюнкты Академии. Виднейший славист, академик И. И. Срезневский

представил записку об ученых трудах Гильфердинга. В ней говорилось, что его «научная деятельность давно уже обращала на себя внимание членов Отделения и побуждала его иметь в виду для усиления состава Отделения новым полезным деятелем».¹ Но общее собрание академиков в ноябре 1859 г. забаллотировало Гильфердинга (при тайном голосовании он получил 15 голосов за и 18 против). Современники объясняли это тем, что многочисленные тогда немецкие члены русской Академии не могли простить ученому «служение его славянству и антинемецким интересам»².

В течение трех лет своего консульства Гильфердинг не только отстаивал интересы славянского населения перед турецкими властями. Свое пребывание на Балканах он использовал для путешествия, предпринятого с научными целями.

Он оставил описание своих поездок — *«Босния, Герцеговина и Старая Сербия»*, — богатое бытовыми зарисовками и проникнутое большим сочувствием к угнетаемому турецкими завоевателями трудовому населению славянских земель. Ученый тепло пишет и об отношении к русским со стороны славянского населения Балкан: «Я неспособен выразить той любви, с какою простые поселяне смотрели на нас. Они нарочно приходили из дальних мест, чтобы увидеть русских»³.

Огромный труд Гильфердинга, где путевые впечатления перемежаются с наблюдениями ученого и ценными историческими сведениями, описания народного быта с выписками из старинных рукописей, копиями древних надписей и записями народных песен, читается с неослабевающим интересом. Пристальное внимание путешественника привлекали народные обычаи, обряды, старинные народные танцы и особенно песни: «Народная песнь, которую знает и поет решительно всякий православный серб в Турции, — есть то живое предание, которое, среди безотрадного настоящего, связывает его со славным прошедшим и питает в нем надежду на будущее». Гильфердинг замечает, что особой любовью пользуются эпические песни о народном герое Марко Кралевиче, успешно воевавшем против турецких поработителей: их поют, несмотря на запреты и преследования со стороны властей. Исследователь проявлял пристальный интерес к народной эпической поэзии. В своем труде он приводит несколько

Гильфердинг усматривал две причины сохранения древнего героического эпоса на Русском Севере. Во-первых: «Народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях. Напротив того, что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствовавшему себя рабом?». Другая причина, по его убеждению, состояла в том, что «свободный крестьянин Заонежья жил в глуши, которая охраняла его от влияний, разлагающих и убивающих первобытную эпическую поэзию: к нему не проникал ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась грамотность, так что даже в настоящее время грамотный человек между крестьянами этого края есть весьма редкое исключение. Таким образом, здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное»⁷.

Гильфердинга изумляло, насколько северные сказители верно выдерживали утвердившиеся в народном эпосе характеры эпических героев и других действующих лиц былин. Он объяснял это не только громадной силой памяти, необходимой, чтобы запомнить и петь без запинки «поэмы, которые длятся иногда по два и по три часа», но и тем, что, по его убеждению «кроме механического действия памяти» в сохранении былинного эпоса «должно участвовать какое-то коллективное, если можно так выразиться, поэтическое чутье в народе»⁸.

Летом 1872 г. Гильфердинг вторично отправился за былинами в Олонецкую губернию. Он ехал по Свири на пароходе вместе с возвращающимся туда губернатором. На одной из пристаней пересел на трешкот — небольшое судно, на каких ездили тогда самые малосостоятельные путники. Собиратель хотел побыть в гуще простого народа, вероятно, поискать знакомства с возможными исполнителями. Доехав до Вытегры и сойдя здесь на берег, Гильфердинг почувствовал себя больным, но не придавал этому значения и продолжал путь, проехав еще 200 верст до Каргополя. Только здесь он обратился к врачу, который обнаружил острую форму брюшного тифа и оказался не в силах спасти больного, скончавшегося через пять дней.

Напечатав в журнале свою статью «*Олонецкая губерния и ее народные рапсоды*», Гильфердинг не успел опубликовать сами записи былин: первое издание их вышло через год после его смерти, четвертое — в 1949—1951 гг. Публикаторы выполнили завет собирателя, который писал: «Я считаю эпические песни, сохранившиеся в народе нашем, настолько ценными для науки, что они заслуживают все издания»⁹.

Записи Гильфердинга составляют ценнейший материал для изучения русского народного эпоса. При издании записи расположены так, как хотел автор: в последовательности географических регионов, где он побывал, а внутри каждого региона — по сказителям. Он писал, что при издании «сырого материала, каким представляется собрание записанных мною былин», эта система «имеет то преимущество, что при ней может легко уясниться важный вопрос об отношениях личного творчества и предания в составе былин». Впрочем, писал он далее: «Эта система имеет большие неудобства, и я первый готов признать, что окончательное, полное издание наших эпических песен... следует сделать по предметам, с систематическим подбором вариантов»¹⁰. Это пожелание выдающегося собирателя пока еще не выполнено наукой.

В речи, посвященной памяти А.Ф.Гильфердинга, В.И.Даля и К.И.Невоструева, видный славянофил И.С.Аксаков напоминал, что Гильфердинг «сошел в могилу в самой лучшей поре своих лет», когда «область русского песенного народного творчества не только привлекла, но и напрягла его ученую любознательность до крайней степени самоотвержения, далее которой не может идти человек: он пожертвовал ей здоровьем и самой жизнью, — болезнь и смерть застигли его в самом странствии — в поисках за былинами и сказаниями... Он погиб, как боец в честном бою, в самом разгаре и на поле своей деятельности, жертвой любви к русской науке и русской народности».

Примечания

¹ Лавров П. А.Ф.Гильфердинг // Русский биографический словарь. М., 1916. С. 204.

² Селивский М.И. А.Ф.Гильфердинг // Русская старина. 1872. № 10. С. 464.

³ Сочинения А.Ф.Гильфердинга. СПб., 1873. Т. III. С. 11.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.—Л., 1949. Т. I. С. 37.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же.